

РОДИНА

ISSN 0235-7089

2/90

1,5 ТЫСЯЧИ ДЕТЕЙ ОБЪЯВЛЕНЫ
ПРОПАВШИМИ БЕЗ ВЕСТИ



219-27-73

219-27-45

219-25-71

НАЙДИТЕ НАС

Главный редактор
Ю. А. СОВЦОВ

Редакционная коллегия:
А. К. АВЕЛИЧЕВ
С. С. АВЕРИНЦЕВ
О. И. БОРИСОВ
В. В. БЫКОВ
П. В. ВОЛОБУЕВ
В. П. ДОЛМАТОВ
(заместитель главного редактора)
Т. А. КРАВЧЕНКО
(редактор отдела истории)
Б. А. МОЖАЕВ
В. А. ПАНКОВ
(ответственный секретарь)
В. М. ПЕСКОВ
Н. Я. ПЕТРАКОВ
Г. Л. СМИРНОВ
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(главный художник)
С. А. ЯКОВЛЕВ
(редактор отдела публицистики)

Редакция благодарит газеты «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Коммерсант», «Атмода», «Московский комсомолец», журнал «Новое время», телепередачи ТСН, «Взгляд», «Пятое колесо», «На службе Отечеству», телеканал «Россия», радиостанцию «Юность», народных депутатов СССР С. Аверинцева, Ю. Афанасьева, В. Быкова, Р. Отсасона, О. Сулейменова, Г. Старовойтову, А. Ярошинскую, М. Полторанина, А. Крайко, Е. Гаер, С. Станкевича, ученых Е. Анисимова, Г. Злоказова, Ю. Кораблева, А. Литвина, А. Ненарокова, В. Поликарпова, А. Разгона, З. Серебрякову, С. Шмидт, А. Гулыгу, Н. Басовскую, Н. Пирумову, В. Чаликову, П. Волобуева, М. Чудакову, Ю. Сисиченко, писателя Г. Рябова и многих-многих других, поддержавших журнал в трудные дни. Еще раз приносим извинения за несвоевременный выход номеров «Родины», случившийся не по вине редакции.

Номер оформили:
В. С. Арутюнов
Г. С. Терзибашьянц
при участии
Е. К. Соковой
и С. А. Артемьева

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва.
Издательство
«Советская
Россия»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В нашей постоянной рубрике гости журнала высказывают свое мнение (которое редакция может не разделять) о роли Советов в жизни страны и народа.



10

Николай ДАНИЛЮК,
член Верховного Совета СССР:

«ПУТЬ
К ВОЗРОЖДЕНИЮ
СОВЕТОВ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО».



24

Николай ПИВОВАРОВ,
председатель Комитета
Верховного Совета СССР:

«...СЕГОДНЯ ВСЕ
МЕСТНЫЕ
БЮДЖЕТЫ СОСТАВЛЯЮТ
МЕНЕЕ 15 ПРОЦЕНТОВ
ОТ ОБЪЕМА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТА».



63

Илья ЗАСЛАВСКИЙ,
народный депутат СССР:

«...ЛЮБОЕ
ОГРАНИЧЕНИЕ
ДЕМОКРАТИИ
В ЭКОНОМИКЕ
ПРИВОДИТ
К ОГРАНИЧЕНИЮ
ДЕМОКРАТИИ
В ПОЛИТИКЕ.
И НАОБОРОТ».



75

Михаил ПОПОВ,
доктор философских наук:

«ТОЛЬКО ПРИ
ВЫБОРАХ ПО
ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ
ОКРУГАМ СОВЕТЫ МОГУТ
СОЗДАВАТЬСЯ СНИЗУ...»



84

Виктор АСТАФЬЕВ,
писатель:

«КРЕПКО ПОДОРВАНЫ
СИЛЫ НАРОДА, НЕ ВИЖУ
Я СКОРОГО ВЫХОДА
ИЗ КРИЗИСА, НЕ ВИЖУ
ВОЗРОЖДЕННОЙ СТРАНЫ
И РОССИИ».

СОДЕРЖАНИЕ

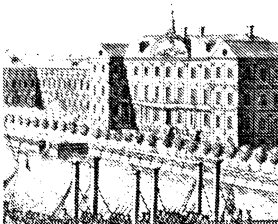
А. Бомза, В. Лебедев. Под блеск алмазов	1
Ю. Макарецев. Россия сделала выбор	8
Н. Данилюк. Советы без авторитета	10
Е. Скворцова. Бремя свободы	11
Люди и время: документ без комментариев	14
А. Ципко. Нужен ли еще один эксперимент?	15
В. Панков. Гончар	22
Н. Пивоваров. Будет ли работать закон?	24
Н. Черкашин. Честь офицера.	25
Рождение Российской Академии	31
Е. Вишнякова, А. Земляниченко. Найдите наши души	34
С. Васильцов. До основанья... а затем?	35
Е. Маслов. Излучина	38
Ракурс.	43
Л. Гозман, А. Эткинд. Разговор с антисемитом.	49
В. Ивлева. Неужели я переживу это море.	53
В. Скосырев. Инакомыслящий в позе лотоса.	59
И. Заславский. Расстанемся с «митингующим» обществом.	63
В. Каджая. Господин Мэтлок — «прораб» доверия	64
М. Максимовская. Красные купцы на «заминированном» рынке	67
С. Парфенов. «Железный Лазарь»: конец карьеры	71
В. Иванов. Ярополец	74
М. Попов. Соискатели власти	75
Т. ПАВЛОВА. Три лика России.	76
Н. Пирумова. Разрушитель.	79
В. Астафьев. Спасет только чудо	84
А. Казаков. Национальное самосознание: искания и соблазны	85
Л. Петрушевская. Рассказы	87
А. Овчаренко. Дочь Толстого	92
Свободная трибуна	95

В одном из ближайших номеров читайте фрагменты книги воспоминаний А. Л. Толстой «Первые шаги в Америке».

СТАРОЕ

25

В ОКТЯБРЬСКИЙ ПРАЗДНИК 1975 ГОДА из парадного строя в Рижском заливе самовольно вышел большой противолодочный корабль и ушел в открытое море... О бунте на корабле рассказывает Николай Черкашин в очерке «Честь офицера».



31

ВОПРОС О СОЗДАНИИ или, может быть, о воссоздании Российской Академии наук сегодня, в конце XX века, вновь на повестке дня. И поэтому мы хотим напомнить читателям историю рождения этого крупнейшего научного учреждения в России XVIII века.

49

РАЗГОВОР С АНТИСЕМИТОМ ведут на страницах журнала Леонид Гозман и Александр Эткинд.

71

ИМЯ Л. М. КАГАНОВИЧА — одного из ближайших подручных Сталина — известно очень широко, чего не скажешь о последних штрихах его биографии. О работе «железного Лазаря» на посту управляющего трестом «Союзасбест» на Урале рассказывает Сергей Парфенов.

НОВОЕ

11

«БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ — один из страшных феноменов XX века», — говорит в интервью журналу «Родина» член Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка профессор Александр Яковлев.

15

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК Александр Ципко в своей статье «Нужен ли еще один эксперимент?» дает ответы своим оппонентам, отстаивающим непоколебимость постулатов марксизма.

59

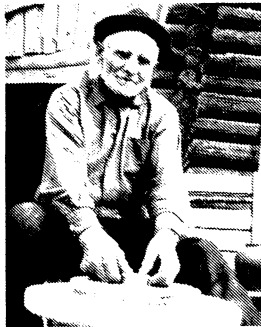
УТВЕРЖДАЮТ, что первый кришнаит — последователь мистического учения Бхакти Веданта Свами Прабхупады появился в нашей стране в 1971 году. Сегодня это учение имеет многочисленных поклонников не только за рубежом...



64

ЖУРНАЛИСТ Валерий Каджая беседует с послом США в СССР Джексом Мэтлоком.

ВЕЧНОЕ



22

В «КРАСНУЮ КНИГУ РЕМЕСЕЛ», открытую для записи редких искусств и рукоделий, вы можете внести и свою лепту, как это делает Владимир Панков в зарисовке «Гончар».

38

«ИЗЛУЧИНА». Так названы отрывки из дневника Евгения Маслова, работавшего председателем колхоза в начале 50-х годов.

43

В ТРАДИЦИОННОЙ РУБРИКЕ «РАКУРС» представлены фотоработы С. М. Прокудина-Горского, одного из родоначальников цветной фотографии в России.

85

«ЧЕСТЬ РОССИИ и совесть русского народа обязывает нас не мешать латышскому народу самому и только самому устраивать судьбу своей земли», — говорит Александр Казаков из Риги в статье «Национальное самосознание: искания и соблазны».

«РАЗГОВОР С АНТИСЕМИТОМ»

Леонид ГОЗМАН, Александр ЭТКИНД

Мы устали от вранья. Нам надоело слушать туманные речи о масонах, сионистах, о людях чуждой культуры и о денационализированных элементах. Нас бесят разговоры о некоей «малой народности», которая захватила то ли сорок, то ли все восемьдесят процентов от числа кандидатов и докторов наук в стране. Давайте называть вещи своими именами — это все о нас, о евреях. Давайте не стесняться своих чувств и взглядов. Мы предлагаем антисемитам диалог¹.

Мы предлагаем присоединиться к этому диалогу и тем евреям, которые считают, что антисемитизм был, есть и будет и что если евреев не убивают на законном основании сегодня, то просто ждут, когда это можно будет сделать завтра; евреям, которые верят в антисемитизм как мистическое свойство русской или любой нееврейской души, проклятие или испытание, ниспосланное нам Творцом. Мы приглашаем всех, кто считает, что с антисемитизмом, как со слепой силой, можно либо бороться и победить — или погибнуть, либо затаяться на время и переждать очередной погром. Мы приглашаем врагов, от века избегавших друг друга, взглянуть друг другу в потемках.

Диалог нужен хотя бы потому, что нравится это или нет, но ни евреи, ни антисемиты не могут упразднить друг друга и, значит, надо жить вместе на этой земле. У нас общее прошлое и общее будущее. Конечно, далеко не все проблемы нашей страны сводятся к национальным вопросам. Но Россия всегда была многонациональным государством, ее культура была не только русской, но и российской, включающей в себя культуру многих народов. Не понимая необходимости разрешить проблемы национальных отношений, мы будем продолжать блуждать в потемках.

В диалоге нуждаются обе стороны — без этого невозможно понять самих себя. Для понимания, а не просто ощущения себя, человеку необходим собеседник. Ни евреи, ни их недоброжелатели не могут сами по себе разобраться в том, что значит быть евреем. Группа людей может с успехом обсуждать любую проблему, кроме одной — той самой, которая собрала и сплотила эту группу. В диалоге «мы» можем понять и подвергнуть критическому анализу ту бессознательную мешанину из исторических фактов, идеологических штампов и прямой политической лжи, которой живут «они». Гораздо труднее признать, что какой-то своей мешаниной, не заметной «нам», но очевидной для «них», живем и мы сами. И понять свою мешанину «мы» можем только с «их» помощью. Мы заинтересованы друг в друге ровно настолько, насколько интересно нам видеть реальность. Мы прячемся друг от друга в той мере, в какой мешают нам привычные стереотипы, и мы хотим еще за них подержаться. Евреи отдельно, антисемиты отдельно могут лишь повторять стертые клише своих мифов.

Одна из ключевых догм антисемитского мира состоит в том, что евреи — все и всегда — одинаковы, в любых обстоятельствах от них исходит примерно одинаковое зло. В перевернутом виде эту догму восприняли многие евреи, считающие антисемитизм вечным, инвариантным и универсальным. Обе стороны склонны к тому же катастрофически переоценивать могущество противника: антисемиты готовы объявить любые трагические события нашей истории следствием еврейского заговора; многие же евреи способны объяснить почти любую свою неприятность происками антисемитов.

Эти мифы имеют свой внутренний смысл и цель. Неизменность и всемогущество, приписываемые враждебной силе, оправдывают собственную пассивность и беспомощность — инфантильные чувства жалкого, маленького человека, не способного влиять не то что на ход истории своего народа и своей страны, но даже и на ход собственной жизни. «Нам

помешали», «нас обидели», «нам не дали»... Но почему я не смог сделать то, что хотел? Почему не сумел ответить на обиду или предотвратить ее? Почему мы позволили управлять собой людям, которых считаем недостойными? Успокаивающий душу ответ на все эти вопросы один: потому что **они** сильнее, **они** всемогущи и с **ними** все равно ничего не сделаешь. От меня же и вовсе ничего не зависит...

КАК БЫЛО ПРИ СТАЛИНЕ?

Долгожданная свобода, не успев созреть и укрепиться, выразилась не только в интенсификации духовной жизни, росте социальной активности и вообще в возможности дышать, но и в резком и для многих неожиданном обострении межнациональных отношений. Конечно, десятилетия игнорирования национальных чувств и проблем и без перестройки привели бы к большим и малым взрывам, которые были бы тем более деструктивными, чем менее готова социальная и политическая система к диалогу и компромиссам. Человеческое восприятие, однако, не подчиняется законам формальной логики и «после» превращается во «вследствие»...

Межнациональная напряженность привлекает к себе внимание большей частью тогда, когда принимает формы политических или экономических противоречий между республиками или территориями. Есть, однако, и другой тип межнациональной напряженности, который представляет не меньшую потенциальную угрозу и, возможно, имеет значительно более широкое распространение. Мы имеем в виду широкий спектр негативных чувств — от иронии до открытой ненависти, от зависти до презрения, от тихого недовольства до жажды погромов.

Межнациональная гармония прошлых лет — одна из ярких черт потерянного рая сталинской эпохи. Конечно, говорить об интернационализме сталинского государства можно, только абсолютно не зная истории. Братство народов основывалось на геноциде по отношению к отдельным нациям и подавлении своеобразия всех остальных. Но что бы ни творилось на окраинах империи, в центральных ее регионах и столицах долгое время удавалось поддерживать ощущение межнационального равенства и благополучия. Репрессии 20-х и 30-х годов более или менее равномерно распределялись по всей семье народов. Московские и ленинградские органы не особо интересовались национальностью своих жертв. Впрочем, и другие индивидуальные и групповые характеристики людей не играли особой роли: уничтожение грозило каждому — крестьянину и интеллигенту, партийному и беспартийному, военному и священнику. Подобный неизбирательный, равномерный и по сути дела случайный характер террора — принципиально важная особенность тоталитарного режима.

Тоталитаризм отличается от других форм власти как раз тем, что ни один член общества не должен чувствовать безопасности, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Достигается это не объемом пролитой крови, а непредсказуемостью, алчностью выбора жертв. Террор достигает своей цели, если любая попытка понять закономерность репрессий ведет к неудаче и единственной формой психологического приспособления к сюрреалистическому миру является доверие властям и нерассуждающая любовь к вождю. Более того, человек привыкает бояться и, следовательно, ненавидеть не столько людей далеких и не похожих на него, таких, как представители другого этноса, сколько самых близких — родственников, соседей по коммунальной квартире, сослуживцев: именно они, зная о нем все, могут разоблачить его перед лицом вождя. Вертикальная ориентация социальной жизни разрушает все горизонтальные структуры — как семьи, так и национальные общности. Вера во всемогущество власти выбивает почву из-под всяких национальных предубеждений, по крайней мере относящихся к согражданам. Враг может быть на свободе, только если он временно не разоблачен. Именно поэтому враги не должны иметь очевидных отличий от тех, кто врагами в данный момент не является. Так что например, борьба с троцкистами значительно боль-

¹ Наша статья «Почему мы не уезжаем?» была опубликована в журналах «Век XX и мир» (№ 9, 1988), «Вестник еврейской культуры» (№ 1, 1989) и посвящена проблемам еврейской эмиграции. Соответственно здесь мы не касаемся этой тематики.

ше соответствует природе тоталитарного режима, чем, допустим, борьба с евреями. Поэтому-то в 30-е годы были троцкисты и зиновьевцы, а евреев как бы не было. Объективный факт национальной принадлежности роли не играл, субъективное же чувство еврейства каралось точно так же, как и любая другая национальная, сословная или даже профессиональная идентичность, придавшая ненужную структурированность хорошо перемешанному «человеческому материалу».

Эти соображения объясняют принципиальную разницу в той роли, которую играл антисемитизм в государственной политике Сталина и Гитлера. Объяснив врагами евреев, Гитлер поставил перед народом ясную и, как это ни трагично, достижимую цель их уничтожения. Тем самым он дал возможность каждому немцу уважать себя хотя бы за то, что он не еврей. Подданный рейха мог быть уверен в том, что, если он не еврей (а также не коммунист, социал-демократ, католик) и не позволяет себе прямых выступлений против власти, он не только не будет репрессирован, но и получит свою долю от грядущих завоеваний. Жизнь и работа в этих условиях могла быть кровавой, но оставалась понятной и предсказуемой, по-своему законосообразной.

Всеобщий террор в сталинском Советском Союзе и избирательный характер репрессий в нацистской Германии позволяют высказать предположение о разном характере власти и соответствующем различии господствующих типов политического сознания в этих двух государствах. По-видимому, они могут быть описаны как различия между тоталитарной властью, стремящейся к всеобъемлющему контролю за жизнью подданных, и авторитарной, при которой принуждение, насилие и контроль носят избирательный характер, подчиняясь достаточно определенным политическим целям. При этом для тоталитарной власти исключительно важной становится идея равенства всех граждан, авторитарная же дает хотя бы некоторым из них определенные гарантии, которые могут проявляться именно в неравенстве — сословном, экономическом или национальном.

Предсмертная антисемитская кампания Сталина до сих пор не находит адекватного объяснения. Сведение ее к обострившимся в старости предрассудкам вождя или к тому, что, как сказал В. Тендряков, победители подражают побежденному врагу, представляется нам недостаточно убедительным. Хотели бы высказать гипотезу: антисемитские акции и предшествовавшая им волна великорусского шовинизма были симптомом распада классического тоталитаризма. Распад этот был неизбежен — противоречия человеческой природе и здравому смыслу в конце концов разрушали тоталитарную утопию. Но способы преобразования в авторитарную политическую систему могли быть разными. Сталин, на наш взгляд, сознательно или бессознательно переходил к авторитарно-фашистскому режиму гитлеровского типа. Антисемитская кампания конца сороковых — начала пятидесятых годов принципиально отличалась от предыдущих. Во-первых, ей предшествовала длительная идеологическая и психологическая подготовка, утвердившая концепцию русского народа как старшего брата. Во-вторых, враг в этом случае был куда более конкретен и зрим, чем раньше: если вредителем, например, мог оказаться каждый, в том числе и тот, кто ничем не отличался от невраждителя, то размытое и неясное вначале понятие «космополит» стало приобретать постепенно национальные еврейские черты. Отныне враги знали, что они враги, а все остальные могли чувствовать себя хозяевами положения. Для подавляющего большинства населения уровень страха при этом, безусловно, снижался, появлялся шанс на более спокойную и предсказуемую жизнь.

ЧТО ДЕЛАТЬ С НИМИ?

Война, которую по замыслу вождя следовало выиграть «малой кровью, могучим ударом», дала толчок продолжающемуся поныне процессу демистификации власти. Крах в 1941—1942 годах догматических представлений о мире и о себе поставил под сомнение всемогущество властей, их способность магическими заклинаниями и директивными указаниями нарушать законы природы и общества на благо всего прогрессивного человечества. Одним из следствий стало признание, что враг бывает не только неразоблаченным, но еще и недоступным для возмездия, недоступным сегодня или даже вообще в обозримом будущем. Враг получил право на жизнь. Таким четко обозначенным врагом, с которым тем не менее приходится сосуществовать, легко может стать еврей. Антисемитизм перестает быть чем-то тайным и подпольным, он уже необязательно противостоит государственной идеологии и становится одной из вполне приемлемых, хотя по

тактическим соображениям и не слишком рекламируемых позиций.

«Еврейская проблема», понимаемая не как поиск путей конструктивного сотрудничества разных народов и культур, а как задача, требующая «окончательного решения», широко обсуждается на разных уровнях — от международных переговоров до коммунальной кухни. Спектр предлагаемых решений весьма широк. Самое радикальное и наиболее близкое к тоталитарной идее всемогущества власти — уничтожение евреев, геноцид. В нашей стране эта идея ни разу не получила последовательной реализации, хотя и не исключено, что Сталин собирался продолжить дело покойного фюрера, идя без Гитлера по гитлеровскому пути.

Более цивилизованным вариантом решения проблемы евреев является их территориальная или культурная изоляция. Врага необязательно и не всегда возможно уничтожить сразу же по обнаружении — достаточно просто убрать его с глаз долой. Однако в России после революции границы гетто оказались размыты, евреи покинули местечки и еврейские кварталы. Изоляция требовала уже не просто закрепления статус-кво, но целенаправленных действий — депортации. Психологически и организационно депортация качественно отличается от уничтожения. Для депортации за пределы страны власть должна вступать в переговоры с руководителем другого государства — Израиля или любого иного, которое согласится принять высылаемых, ей придется проводить работу среди намеченных к переселению евреев, объяснять им, что на новом месте будет лучше или не так плохо, как здесь, и так далее. Нельзя допускать возникновения паники или сопротивления. При переселении в специально выделенные зоны внутри страны возникают похожие проблемы. Депортация, таким образом, требует от властей вступления в партнерские отношения с теми, чье существование они традиционно игнорировали и кого уж, во всяком случае, не признавали равными себе. Мир больше не пирамидален, кроме самих себя, в нем появляются и другие вершины.

Зарубежный пример депортации в послевоенной истории — известная акция тогдашнего руководителя Польши Владислава Гомулки, совершенная, надо полагать, не без консультаций и согласований с советскими лидерами. У нас же депортация лишь планировалась: вопреки здравому смыслу на Дальнем Востоке была создана Еврейская автономная область — порождение сталинской национальной политики. Ее существование выглядит как минимум анахронизмом — сколько-нибудь значительный процент советских евреев может иметь отношение к этой территории лишь в качестве узников концлагерей. Нас неприятно поразило прозвучавшее в телевизионных репортажах о предвыборной поездке секретаря ЦК КПСС О. Д. Бакланова по Хабаровскому краю сообщение о том, что в ЕАО предполагается открыть единственный в стране педагогический институт, где будет изучаться еврейский язык, и филиал НИИ, предметом исследования которого станет, в частности, еврейская история и культура. Такая попытка реанимации идеи еврейского центра в Биробиджане напоминает о черте оседлости, только в худших, искусственных условиях. Мы считаем, что Еврейская автономная область должна быть упразднена. Не представляя ни советских евреев, ни еврейской культуры, это образование символизирует лишь государственный антисемитизм эпохи «дела врачей» и борьбы с космополитами. Что же касается прав, которые существование ЕАО якобы дает евреям (представительство на Съезде народных депутатов, например), то ведь это права не евреев как нации, а населения области. Вообще права дисперсных наций должны обеспечиваться не искусственной привязкой их к территориям, не имеющим никакого отношения к их культуре и истории, а реальной возможностью создания национальных объединений, пользующихся политическими правами.

Конечно, советский Израиль в Биробиджане создать не удастся, депортации и переселения сейчас не в моде. Время меняется, и с ними не только «мы», но и «они». Задача культурной изоляции евреев, которая продолжает, конечно, стоять перед антисемитами, приобретает иные, либеральные очертания. Речь уже идет не о каких-то насильственных акциях, а о вполне уважаемом ограничении участия евреев в общественной жизни. В политических, исторических, литературных дискуссиях должно быть как можно меньше евреев — занимайтесь своими делами, не вмешивайтесь в наши. Надо сказать, что концепция культурной автономии абсолютизируется и активно используется антисемитами. Мы, естественно, приветствуем создание еврейских обществ, но не хотим, чтобы они, как об этом мечтают современные антисемиты, трансформировались в своего рода культурные

резервации, выход из которых разрешался бы особо достойным для участия в ритуальных праздниках дружбы народов. Автономия не должна превращаться в изоляцию, самоорганизация этнокультурных обществ — в апартеид. Автономия не самоцель, а средство обеспечения диалога между национальными культурами.

Либеральный антисемитизм — стремление не допускать евреев к участию в общественном диалоге — вовсе не обязательно связан с собственно антисемитскими предубеждениями. Его субъектами могут быть и вполне интеллигентные люди, и даже сами евреи. Так, прогрессивная газета или журнал может стараться не публиковать евреев не потому, что они сами по себе не нравятся редактору — вовсе нет, — а для пользы дела, чтобы не дать возможности оппонентам объявить коллектив редакции агентами жидомасонов, а всю их деятельность — проеврейской. Как это ни печально, такого рода антисемитизм интеллигентных людей не снижается, а даже возрастает. По крайней мере раньше нам реже приходилось сталкиваться с прямым отказом в публикации из-за «неблагозвучности» фамилии и с предложениями писать под псевдонимом. Да и сами мы не без греха. Собирая недавно подписи под одним обращением, адресованным наверх, мы старались соблюсти некую процентную норму, отдавая предпочтение русским фамилиям перед еврейскими. При этом, конечно, исходили из вполне рациональных соображений, стремились обеспечить наиболее благоприятное восприятие текста адресатом. И действовали, как антисемиты: дискриминировали евреев, желавших подписать письмо. Это было ошибкой. Мы пользуемся случаем заявить здесь, что осуждаем либеральный антисемитизм, в том числе и свой собственный. Он не только безразличен, но и в конечном счете прагматически невыгоден.

ИНОРОДНОЕ ТЕЛО

Однако в стремлении антисемитов устранить евреев от обсуждения принципиальных проблем есть своя логика: «Евреи другие, чужие, еврею не понять русских и Россию, он смотрит со стороны, а надо — изнутри. Ведь умом Россию не понять...» В таких рассуждениях примитивизируется сложнейшая проблема национальной идентичности. Эйнштейн был и чувствовал себя евреем. Но он думал, говорил и писал на немецком языке, во многих своих занятиях был носителем немецкой культуры. Основная же часть того, что он сделал, была вкладом в культуру мировую: его мысли живут в головах евреев и японцев, немцев и русских... Возможно, есть закономерность в том, что чем более масштабен человек, тем больше наций и народностей признают его своим. Закономерность эта, конечно, относится не к одним евреям. Раскрыться всему миру, не отрываясь от национальных и географических корней, — это было свойственно и Гете, и Пушкину, и Пикассо.

Космополитизм лишь по невежеству можно приравнять к «безродности». Он отлично сочетается и с дворянской гордостью своим родом, и с крестьянской любовью к своей земле, и с городской привязанностью к домам и памятникам, среди которых рос. Подлинный космополитизм не только не исключает, но, наоборот, требует развития и утверждения своей национальной культуры. Любой народ может чувствовать тем больше национальной гордости и удовлетворения, чем больше он открыт и интересен для других народов, чем более естественной частью общемирового дома он себя сознает. Лишь в межнациональном диалоге культур человек любой нации может развить самый высокий, общечеловеческий уровень своей идентичности, ощутить себя Человеком — гражданином мира.

Культура, в которой мы воспитаны и в которую пытаемся внести посильный вклад, — это русская культура. Через русско-советскую культуру мы надеемся стать понятными и интересными для зарубежных коллег. Это не мешает нам чувствовать себя евреями. Национальная принадлежность — одна из сложнейших социальных категорий, и если выйти за пределы вульгарных сталинских дефиниций (единство языка, территории и прочее), то главным и в ряде случаев единственным критерием национальной идентификации оказывается самосознание. Мы чувствуем себя евреями, значит, мы ими являемся.

В цивилизованном обществе национальность не биологическая категория, а предмет выбора, может быть, даже неокончательного. Национальная идентичность есть личное дело каждого человека, такое же, как его религия и политические убеждения. Иной подход к национальной проблеме с неизбежностью ведет к подсчетам чистоты крови, мистическим спекуляциям на тему духа расы и, довольно логично, к расизму.

У каждого народа исторически складываются свои правила идентификации, и они самоценны — этически недопустимой является лишь забота о биологической чистоте расы.

АНТИСЕМИТИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Люди много раз обманывались, думая, что после очередного рubeжа — революции, победы над врагом, введения хороших законов или пуска нового вида техники — наступит рай на земле. Давайте учиться на ошибках. Мы ждем демократии, стараемся приблизить ее, счастливы видеть ее ростки, но не стоит обольщаться. Многие плохое остается, и антисемитизм тоже — если не навсегда, то надолго.

Демократия не означает, что все будут гуманны и интеллигентны. Она означает лишь, что каждый, каких бы взглядов он ни придерживался, должен подчиняться демократическим законам и процедурам. Демократическое общество отнюдь не гарантирует евреям всеобщей любви, оно лишь обеспечивает им защиту прав и возможность объединяться для самозащиты и влияния. Сами же антисемитские взгляды и идеи выражаются более свободно, чем при других системах власти, и становятся предметом обсуждения и анализа.

Мы считаем, что в интересах евреев не просто отвергать предъявляемые им обвинения, но обсуждать их, давать на них ответ. В свободном обществе возникает возможность обсуждать межнациональные отношения — выявлять точки зрения, очищать их от грязи и мифов, сопоставлять и анализировать. В итоге могут наконец возникнуть условия и для компромиссов, способных стать базой межнационального сотрудничества.

Но диалог еврея с антисемитом, еще не начавшись, рискует свестись к неинтересному обмену упреками. «Вы занимаете ключевые позиции в престижных областях. Как сообщила газета «Литературный Иркутск», 45% кандидатов и докторов наук — евреи. Где же справедливость?» — скажет антисемит. «Вы не дали нам и не даете нашим детям возможности получить высшее образование, поступить на нормальную работу, занять достойное место в жизни. И вы говорите о справедливости?» — ответит, пожалуй, любой советский еврей. Удивительная ситуация! Вообще-то несправедливость — дело нередкое, но чтобы обе стороны считали себя потерпевшими, а своего врага — выигравшим... Видимо, что-то не в порядке с самими представлениями о справедливости, и суду здесь делать нечего — прежде чем судить, надо разобраться с критериями, по которым судят.

Антисемиты правы в свете своих представлений о справедливости: 45% — цифра явно дутая, но и то, что процент «остепененных» евреев выше доли евреев в популяции, отрицать невозможно. Мы, евреи, тоже правы в свете наших критериев справедливости: очень многие из нас не получили в жизни того, что заслужили по своим делам.

Справедливость «Литературного Иркутска» — это равенство распределения вознаграждений между национальностями. Объектом справедливости выступает не индивид, а нация, и справедливость понимается как равенство. Мы же исходим из другого понимания справедливости: каждому — по труду. Это значит, что человек получает вознаграждение в точном соответствии с ценностью сделанного им лично. Его национальность, равно как и количество людей той же национальности, получающих те же блага, не играет никакой роли. «Справедливость» — слово, относящееся не к общностям людей, а к ним самим, к каждому из них в отдельности.

Доводя заботу о межнациональной и вообще межгрупповой справедливости до логического конца, следовало бы добиваться, чтобы от русских и евреев, латышей и эвенков, мужчин и женщин, грамотных и не очень — от всех было бы пропорционально равное представительство среди писателей и генералов, академиков и депутатов, руководства ЦК КПСС и общества «Память»... Идея пропорционального представительства — хорошо знакомой разрядки — как средства достижения межнациональной и даже социальной справедливости прямо ведет к абсурду. Сейчас ясно почти для всех, что дифференциальная справедливость, действующая на индивидуальном уровне — каждому по труду, кем бы он ни был, — ведет к более эффективному и динамичному обществу, чем любые иные виды распределения.

Стоп. Мы подменяем диалог изложением своей точки зрения, которая нам кажется очевидной верной. К тому же мы исходим из ценностей (эффективность, динамизм), которые могут вовсе не быть ценностями для наших оппонентов. Лучше попробуем представить их аргументацию. С какой это стати, спросят они, вообще вознаграждать евреев за их вклад в русскую культуру? Пусть евреи как хотят, так и вознаграждают сами себя за свой вклад в свою культуру.

Русская культура всегда была предметом и результатом межнационального диалога. Это относится и к тем временам, когда русские князья женились на татарских и литовских царевнах, и к тем, когда русские литераторы писали по-русски, а думали по-французски, и к тем, когда, по словам Ахматовой, фамилия Рубинштейн считалась столь же русской, сколь и Иванов. И действительно, поэзия Мандельштама, Пастернака и Бродского такая же русская, как и Есенина, Гумилева и Цветаевой. Живопись Альтмана и Фалька, театр Мейерхольда и Михоэлса, физика Ландау и Иоффе — все это тоже русская культура. Вклад евреев в нее неоспорим, и в своем воображаемом диалоге с антисемитом мы не собираемся доказывать очевидное. Сейчас нас интересует другое — возможный ответ нашего оппонента.

«Евреи, действительно, бывают одаренными людьми. Но все, что они сделали для России, — это не наше, не русское, это чуждая струя в развитии национальной идеи. Только вы можете не видеть этой еврейской суетливости, жажды признания, навязчивой потребности в переменах во что бы то ни стало. Не говоря уже о пренебрежении к национальным традициям и быту, настоящей ненависти ко всему русскому, двигавшей Троцким, Свердловым, Зиновьевым».

Все это очень серьезно, и игнорирование подобной позиции может нам дорого обойтись. Постараемся отделить в ней правду от скоропалительных и поверхностных обобщений.

Действительно, еврейская ветвь российской культуры обладает определенным, ясно различимым своеобразием. В противостоянии западников и славянофилов, которое питает собой все развитие российской цивилизации, евреи почти неизменно принадлежали к одному, западному, лагерю. Фактически все последнее столетие евреи играли в России важную роль культурного медиатора, воспринимающего навски западной цивилизации и через сопротивление внедряющего их на отечественной почве. Причин для именно такой роли евреев много — и особенности подвижного национального характера, и традиционное уважение к книжному знанию, и географически пограничное положение еврейского расселения.

И в нынешней ситуации одни воспринимают перестройку как призыв стать наконец Европой, другие — как способ найти и осуществить вопреки всему миру русскую национальную идею. Позиция большинства евреев в этом споре очевидна, она вызывает сочувствие одних и ненависть других вовсе не в силу юдофобии или юдофобии, а в соответствии с политическими взглядами и личными пристрастиями.

ПОИСК ВИНОВАТОГО

В своих оригинальных «еврейских да-цзы-бао» И. Губерман писал: «Царь-колокол безгласен, поломатый, Царь-пушка не стреляет, мать ети, И ясно, что евреи виноваты, Осталось только летопись найти». Поиски «летописи» ведутся весьма активно, причем с целью доказать обвинения куда более серьезные...

Люди, делавшие революцию, исходили, безусловно, из абстракций, в которых Россия была лишь одним, хотя и важным, звеном. Мы согласны с В. Кожинным — диалог же! — в том, что Россия стала средством для мировой революции, а не той целью, во имя которой эта революция совершалась. Кожиннов деликатно оговаривается, что дело не в национальности — Бухарин был русским, но провел жизнь в эмиграции, России не знал и не понимал. Мы же не хотим закрывать глаза на то, что, действительно, среди революционеров было множество евреев и что на них лежит ответственность и за многочисленные преступления, и за колоссальный ущерб России. Но встает вопрос, много раз возникавший в истории, о коллективной вине народа. Вопрос этот куда более сложен, чем может показаться на первый взгляд, и не решается подсчетом процента евреев среди жертв, палачей и палачей, ставших жертвами. Недаром сказано: «Не судите, да не судимы будете» — азартная охота на злоумышленников и супостатов может сыграть злую шутку с самими охотниками. Если и вправду евреи совместно с литовцами, поляками, латышами и другими инородцами в дикой своей злобе против всего русского целенаправленно и жестоко уничтожали русский народ и русскую культуру, то позволительно спросить: «Почему столетия совместного проживания под дланью русского царя, среди русского народа сформировали в означенных инородцах не чувство признательности и любви, а неприязнь и отчуждение? Не несет ли свою долю вины и сам старший брат и патрон — русский народ, все русские, в том числе и живущие сейчас?» Мы-то думаем, что нет, не несут, так как сама идея коллективной вины и коллективной же ответствен-

ности кажется нам дикой, средневековой и вызывает протест, идет ли речь о евреях, немцах, русских или о ком-либо еще. В исторических вопросах выяснение «кто первый начал» еще менее конструктивно, чем в драке между первоклассниками. Конечно, людям, не связанным с русской культурой, оторванным от нее, «легче» было осуществлять против нее варварские акции. Дискриминация, провоцирующая чувство отчуждения, опасна — пружина может разжаться резко и неожиданно, дискриминируемое меньшинство несет в себе заряд разрушения. Равенство и социальная справедливость не просто этический императив, это безопасность завтрашнего дня. Нищета и бесправие черты оседлости не лучшим образом дали себя знать после семнадцатого года.

Но, право же, не стоит связывать всю кровь и деструкцию в нашей истории с евреями или вообще с инородцами. В корте верных соратников Сталина на одного Кагановича приходится множество русских, заслуживших себе почетное место в аду. Среди главных бойцов НКВД, осуществлявших геноцид в Эстонии и Крыму, в Литве и на Северном Кавказе, «чужеродный элемент» отнюдь не доминировал. А уж брежневское Политбюро и партийный аппарат в расовом отношении были безупречно чисты (в среде аппаратных работников обсуждалась, например, такая проблема — какие фамилии предпочтительны как более русские: кончающиеся на «ов» или на «ин»); однако именно под их руководством столь активно и бессмысленно разбазаривались природные богатства страны, велась преступная война, а народ спивался.

ЕВРЕИ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Заголовок шокирует: эти два слова непривычно видеть рядом. Евреи давным-давно не играют заметной роли в политических решениях, и новые демократические порядки вовсе не несут евреям привилегий: достаточно ознакомиться со списком народных депутатов — там практически нет явно еврейских фамилий.

Откуда же идет легенда о жидомасонском заговоре, воскресшая из забвения как раз в годы перестройки? В обильной масонской мифологии выражаются недоверие к переменам, ощущение их чуждости и навязанности, свойственное консервативной части населения. Для тех, кто воспринимает идеи перестройки как конец спокойной и удовлетворяющей все потребности жизни, как подрыв дорогого сердцу имперского образа страны — для них идеи перестройки действительно смыкаются с черносотенным образом не имеющего своих корней еврея, ненавидящего Русь и от века беспокоящего простого рабочего человека. Это «объективное», никем не придуманное совпадение образа вносит гораздо больший вклад в жидомасонский миф, чем мелкие и глупые сплетни о родственных связях членов Политбюро. Похоже, сегодня юдофобия превращается в большую политическую проблему, чем вчера. Сегодня она касается далеко не только евреев. За антисемитизмом скрывается консерватизм, один из главных факторов большой политики. Так, кстати, уже было в начале нашего века.

Множество хороших начинаний сгнуло оттого, что среди авторов были евреи. Достаточно оказывалось подозрения, что некоторое предложение может пойти на пользу еврею, чтобы с предложением этим было покончено. Пустить такой слух — верный путь задавить любую инициативу. Совсем недавно один из авторов наблюдал в Ленинграде такую сцену. За кандидата в депутаты, молодого русского парня, отважно конкурировавшего с первым секретарем горкома партии, агитировал в мегафон его доверенное лицо, наверно тоже русский. В толпе кто-то сказал: опять евреи хотят революцию сделать...

Есть евреи, среди которых подобные настроения вызывают сильнейшее беспокойство. Тот, кто помнит антисемитские шельмования 50-х годов, неодобрительно относится к любой политической активности, исходящей от евреев: опять крайними будем мы, опять спасать Россию начнут за наш счет.

Но евреев тянет в перестройку и особенно острая неудовлетворенность прошлыми временами, и извечная вера в возможность разума изменить мир. Участие в новой политической жизни — тот шанс на реализацию, которого не мог, да и сейчас, как правило, не может получить еврей в официальной культуре. Однако, по нашим наблюдениям, евреев сегодня не так уж много в общественных движениях Москвы и Ленинграда. Надеемся, завтра их станет не меньше, а больше.

Перестройка является не менее еврейским делом, чем русским, эстонским, армянским... Поэтому последняя наша реплика в диалоге — «За нашу и вашу свободу!».